

УДК 316.334.3:316.344

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТРУДНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

Мурадян Елена Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической социологии, декан социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье актуализируется фундаментальная научная проблема, связанная с недостаточностью социологических знаний о сущности и характеристиках новых социальных неравенств. Принимая во внимание чрезвычайно сложную социальную ситуацию, сложившуюся в Украине после переломных событий 2014-го года, автор указывает на вызванный усиливающимися противоречиями и социальным расслоением рост социальной напряженности и делает вывод о необходимости поиска способов снижения напряженности и противодействия социальному расслоению. Для этого автор предлагает осуществить анализ новых социальных неравенств как наиболее актуальных и гипотетически наиболее значимых для современных процессов. Отмечая крайне размытый и неконкретный характер понятия «новые социальные неравенства», автор считает необходимой разработку основ анализа соответствующего феномена, начиная с понятийно-терминологического уровня. Для этого автором предпринимается эвристический анализ понятия «новые социальные неравенства» и гносеологических перспектив исследования политической репрезентации новых социальных неравенств. Автор приходит к выводу о возможности преодоления терминологических и аналитических трудностей исследования новых социальных неравенств за счет концентрации анализа на их политической репрезентации, не только отражающей, но и частично обуславливающей репрезентируемые неравенства.

Ключевые слова: новые социальные неравенства, политическая репрезентация, стратификация, эвристический анализ

У статті актуалізується фундаментальна наукова проблема, що пов'язана з недостатністю соціологічних знань про сутність та характеристики нових соціальних нерівностей. Беручи до уваги надзвичайно складну соціальну ситуацію, що склалася в Україні після переломних подій 2014-го року, автор вказує на викликане посиленням протиріч та поглибленим соціальним розшаруванням зростання соціальної напруженості. З огляду на це автор робить висновок про необхідність пошуку засобів зниження напруженості та протидії соціальному розшаруванню. Для цього автор пропонує здійснити аналіз нових соціальних нерівностей як найбільш актуальних та гіпотетичних найбільш значимих для сучасних процесів. Відзначаючи вкрай розмитий і неконкретний характер поняття «нові соціальні нерівності», автор вважає за необхідне розробку основ аналізу відповідного феномену, починаючи з концептуально-термінологічного рівня. Для цього автором здійснено евристичний аналіз поняття «нові соціальні нерівності» та гносеологічних перспектив дослідження політичної репрезентації нових соціальних нерівностей. Автор робить висновок про можливість подолання термінологічних та аналітичних труднощів дослідження нових соціальних нерівностей завдяки концентрації аналізу на їхній політичній репрезентації, що не тільки відбиває, але й частково обумовлює нерівності, що репрезентуються.

Ключові слова: нові соціальні нерівності, політична репрезентація, стратифікація, евристичний аналіз

The fundamental scientific problem connected with the lack of sociological knowledge about the essence and characteristics of the new social inequalities is actualized in the article. Taking into account the extremely complicated social situation in Ukraine after the turning points of the year 2014, the author points out the growth of social tension caused by the growing contradictions and social stratification, and concludes that it is necessary to find ways to reduce tensions and counteract social stratification. For this, the author proposes to carry out a large-scale analysis of new social inequalities as the most relevant and hypothetically most significant for modern processes. Noting the extremely blurred and non-specific nature of the concept of «new social inequalities», the author considers it necessary to develop the bases of analysis, beginning with the conceptual-terminological level. For this, the author undertakes a heuristic analysis of the concept of «new social inequalities» and the epistemological perspectives of investigating the political representation of new social inequalities. The author comes to the conclusion that it is possible to overcome the terminological and analytical difficulties of researching new social inequalities by concentrating the analysis on their political representation as it's not only reflecting, but also partly conditioning the representational inequalities.

Keywords: new social inequalities, political representation, stratification, heuristic analysis

Тема новых социальных неравенств является одной из наиболее востребованных в социологических исследованиях стратификационных порядков и их динамики. В условиях углубления существующего социального расслоения (вплоть до формирования социальных расколов) неизбежны его трансформации, а трагичные события 2014-го – 2017-го гг. столь же неизбежно провоцируют возникновение или актуализацию новых или, как минимум, непривычных социальных неравенств. В свою очередь, эти процессы обуславливают рост социальной напряженности, что представляет собой серьезную социальную проблему для и без того расшатанного украинского общества. Эта проблемная ситуация неразрывно связана с фундаментальной *научной проблемой* недостаточности знаний о сущности и характерных свойствах новых социальных неравенств, что затрудняет процесс поиска эффективных регуляторов негативных последствий этих неравенств. Для разрешения этой проблемы нам представляется уместным обратиться к терминологическому анализу понятия «новые социальные неравенства»; провести его мы предлагаем на эвристической основе. На наш взгляд, в столь фундаментальной, сколь и противоречивой теме эвристический анализ особенно важен, поскольку не так страшно изобрести велосипед, как попасть в ловушку плоской Земли. Соответственно, эвристический анализ понятия «новые социальные неравенства» и будет *целью* нашей статьи. Дополнительной задачей является акцент на политико-социологической составляющей анализа. Этот акцент кажется нам необходимым как минимум в силу имманентного политического характера или эффекта любых социальных неравенств, который невозможно игнорировать при поиске средств преодоления углубляющегося расслоения.

В отечественной социологии к теме неравенств в целом и новых неравенств в частности регулярно обращались О. Куценко, С. Макеев, Е. Головаха, Н. Шульга, Н. Ковалиско, В. Паниотто, О. Балакирева, С. Бабенко и многие другие. Собственно о новых социальных неравенствах в отечественной социологической науке говорят никак не менее пятнадцати лет; так, в 2006-м году Институтом социологии НАНУ была выпущена монография «Новые социальные неравенства», представившая серьезные наработки социологов из разных украинских городов. К моменту выхода этой монографии (к ней мы еще не раз будем обращаться в этой статье¹) тема новых социальных неравенств уже представлялась относительно устоявшейся – на уровне постановки проблемы, но не на уровне ее решения. Впрочем, поскольку в случае с неравенствами мы сталкиваемся, как уже говорилось, с проблемой фундаментального характера, было бы наивным полагать возможным какое-либо окончательное ее решение. Даже если под «решением» понимать не столько пути преодоления новых социальных неравенств, сколько способы управления ими, все равно социологам прежде всего необходим ответ на вопрос о природе и факторах этих неравенств. А в силу высокой динамичности социальной структуры большинства современных обществ гипотетически полученный ответ если и не устаревает в течение нескольких лет, то требует масштабных уточнений, а то и вовсе оказывается ответом не на тот вопрос. Именно поэтому в исследовании новых социальных неравенств представляется уместным рассматривать проблему *ab ovo*, начиная с понятийно-терминологического уровня. Этот уровень не нуждается в дополнительной проблематизации: понятие «новые социальные неравенства» по сей день остается размытым, социологически неконкретным и неполным.

В главе о культурных неравенствах указанной монографии О. Куценко предлагает отсчитывать старт полноценной актуализации темы новых социальных неравенств в дискуссиях по социальной структуре с семидесятых годов девятнадцатого века, когда М. Бакунин в полемике с К. Марксом предрек будущее установление «господства научной интеллигенции» [8, с. 44]. Если быть точными, то Бакунин «угадал, ошибившись»: точно предсказав значимость управляющей интеллигенции вне зависимости от реального интеллектуального уровня ее конкретных представителей, он связал установление ее «господства» с установлением социализма. Между тем «класс знаний», «интеллект-менеджеры», «интеллигентная элита» – как бы мы ни называли слой собственников знаний, но они приобретают относительно господствующие позиции в рамках хоть и осовремененного (по сравнению с концом 19-го века), однако все же капитализма.

Так или иначе, О. Куценко, обозначив границы новых социальных неравенств знаниями, жизненными стилями, культурными и образовательными различиями, ведет линию их рассмотрения от Т. Веблена и М. Вебера сквозь «Чикагскую школу», Ч. Р. Миллса, А. Гоулднера, теоретиков «постиндустриального общества» до П. Бурдьё, Ж. Пассерона, Дж. Голдторпа и С. Храдила. Как указанные теоретики, так и многие другие их коллеги, по мнению О. Куценко, «переоткрывали или заново интерпретировали» данные неравенства; этот процесс в известной степени вышел на свой пик к концу двадцатого века, воплотившись в эмпирически обоснованный вывод Дж. Голдторпа и Р. Эриксона о доминировании «меритократической селекции» в индустриальных обществах. Мы не призываем

¹ Эта монография остается наиболее фундаментальным отечественным трудом по проблеме; мы намеренно отказываемся от привлечения массивного корпуса разрозненных тематических публикаций для сохранения чистоты эвристического анализа.

согласаться с этим выводом, который, на наш взгляд, заслуживает отдельного анализа (как и его эмпирическая обоснованность); на достаточно широкий диапазон вариантов его развития указывает и О. Куценко в рассматриваемом тексте [8, с. 46]. В настоящий момент для нас важнее констатация неполноты социологического знания о влиянии и структурных последствиях культурных изменений (результатом которых и становятся новые неравенства, согласно О. Куценко), и практического отсутствия такого знания в украинской социологии [8, с. 46]. С 2006-го года ситуация если и менялась, то не кардинально: знания по-прежнему заметно не полны. Более того: рискуем предположить, что многие эмпирически проверенные выводы, которые О. Куценко цитирует в монографии «Новые социальные неравенства», сегодня уже не выглядят настолько убедительными, как тогда, и знания, возможно, еще менее полны, чем по состоянию на 2006-й год. Конечно, количественное развитие исследований новых социальных неравенств сегодня позволяет говорить о некотором массиве работ. Тем не менее, даже если отвлечься от сосредоточенности большинства этих работ на конкретных (чаще всего культурных, как в рассмотренном выше материале) разновидностях новых социальных неравенств без выхода на обобщение до уровня родового понятия, то оснований для автоматического выведения качественных успехов из количественного наращивания нет. Ведь даже максимально подробный эмпирический анализ, например, образовательного или цифрового неравенства с надлежащим теоретическим обоснованием не дает возможности уверенно говорить о них как о «новых» и тем более делать какие-либо выводы применительно к новым социальным неравенствам вообще.

Отметим, что такое положение связано с изначальной размытостью, отсутствием как научной строгости в словосочетании «новые социальные неравенства», так и четких онтологических (не сводимых к хронологическим) границ обозначаемых этим словосочетанием отношений. Это обычная ситуация, когда социологи или представители других общественных дисциплин предлагают вместо самостоятельных терминов зависимые словесные конструкции. Как правило, речь идет о прямой хронологической зависимости, которая никак не указывает на характер в целом или какие-либо значимые свойства обозначаемого объекта. И если в конструкциях с приставкой «нео» содержится (пусть и не всегда) указание на некие корни (как, например, в случае с идеологиями неолиберализма, неонацизма и т.д.), то приставка «пост» не дает нам даже таких указаний: как «постмодернизм» можно назвать все, что хронологически следует после модернизма, так и «постсоветским» является все существующее после 1991 года. В конструкции «новые социальные неравенства» даже указания на «корни» или генетическую связь незначительны: с одной стороны, без исторического анализа (включающего анализ развития научных представлений) невозможно с уверенностью определить, относительно каких неравенств рассматриваемые неравенства являются новыми и насколько они объединены своей «новизной» (ведь если собрать воедино, например, концепции так называемого «постиндустриального» общества, то мы получим набор порой абсолютно несочетаемых вариантов); с другой стороны, казус исторического «Нового» и «Новейшего» времени вызывает к жизни закономерный вопрос: когда новые социальные неравенства перестанут быть новыми, какие неравенства последуют за ними? Представляется, что в понятии «новые социальные неравенства» несколько навязчивая демонстрация концентрации на социальных изменениях сочетается с парадоксальным стремлением постулировать абсолютные границы этих изменений: ведь «новые» не только указывают нам на существование неких «старых», отличия от которых и составляют суть «новых», но еще и безальтернативно устанавливают точку отсчета. Это было бы логичным в рамках статической парадигмы социологии, но в парадигме исторической социологии, наиболее уместной при анализе изменений как процесса, выглядит чужеродным.

Впрочем, это предмет иного уровня терминологического анализа; сейчас важно подчеркнуть размытость и противоречивость понятия «новые социальные неравенства». Об этом говорит и С. Макеев в первой главе монографии «Новые социальные неравенства» [8, с. 37-41]. Он указывает на неочевидность новизны социальных неравенств, вызванную как высокой скоростью утверждения³ «незнакомого мира» и насыщения привычных стратификационных порядков новыми элементами, так и включенностью социолога в социальные процессы высокой интенсивности [8, с. 37]. Определения новых неравенств, по мнению С. Макеева, неизбежно оказываются относительными и открытыми для дополнений и уточнений, а создание

² А с некоторыми уже тогда, видимо, была не готова согласиться О. Куценко, сдержанно критикующая тезисы авторов книги «Колокольный изгиб: интеллект и классовая структура в американской жизни» Херштайна и Мюррея, указывавших на генетическую обусловленность интеллектуальных способностей, а также следующую из этого фундаментальность и неизбежность неравенства в развитии общества [8, с. 47]. Для нас эта деталь – сигнал о необходимости подходить к теме новых социальных неравенств и к «исчерпывающим» выводам по ней не менее критически, чем к элитистским и прочим апологетическим (по отношению к неравенствам) теориям.

³ Надо отметить, что и «утверждение» вовсе не является очевидным, если анализу подвергаются изменения как процесс, а не как последовательность смены статических состояний.

«универсального операционального определения» представляется невозможным⁴. Невозможным, но необходимым, по крайней мере на уровне определения опознавательных маркеров новых социальных неравенств, С. Макеев предлагает считать «новыми» такие неравенства: 1) основанные на нехарактерных для прежнего стратификационного порядка блага и возможности, дефицитных в силу своей новизны; 2) связанные с углублением дифференцированности, при котором увеличивается число социальных категорий, подверженных этому неравенству, и с вытеснением за пределы легитимных неравенств (социальной эксклюзивией, изоляцией и т.д.); 3) возникающие по новым причинам (например, частная собственность в СССР не была причиной неравенства, а с его распадом становится таковой⁵) и «подвижные» неравенства (истоки и причины которых недолговечны); 4) отражающие углубление противоречий внутри традиционных общностей в силу усложнения их внутренней структуры; 5) обусловленные изменениями в механизмах воспроизводства или достижения социальных статусов и связанных с ними стилей жизни (в итоге выливающиеся в коммуникативно-сетевые неравенства) [8, с. 38-39]. Там же С. Макеев указывает на принципиальную разницу институционализированных неравенств, нормативно и документально легитимированных организациями и учреждениями, и неравенств-фактичностей, чья легитимность всегда и везде остается ограниченной. Эта ограниченность порождает стремление переопределения социального порядка (к большей справедливости и «полной» легитимности), каковое переопределение, воплощенное в смене оснований социально-экономического уклада и/или политического режима, неизбежно обновляет традиционные и порождает новые социальные неравенства [8, с. 40-41]. Включают ли новые неравенства, вызванные к жизни переопределением социального порядка, все пять приведенных выше условных разновидностей, и исчерпываются ли они этими разновидностями, сказать сложно: как уже говорилось, в этой тематике однозначные выводы – почти недостижимая роскошь. Тем не менее, отметим, что в приведенных пяти пунктах речь идет скорее об источниках и о причинах, чем о сущности гипотетических новых социальных неравенств; о причинах же говорит Макеев и применительно к различению институционализированных неравенств и неравенств-фактичностей. При этом переопределение социального порядка (включая, естественно, и стратификационный) в рамках смены оснований социально-экономического уклада и/или политического режима выступает в роли «неумолимой» причины, то есть вызывает к жизни новые социальные неравенства при любых сопутствующих обстоятельствах.

Последнее, с одной стороны, требует особого внимания к политическим аспектам воплощения и регулирования новых социальных неравенств (к этому мы вернемся ниже), с другой стороны, позволяет рассматривать искомое переопределение в качестве точки отсчета, и разделять неравенства на традиционные и новые в соответствии с возникновением до/после этой точки. При таком подходе становится понятным, что О. Куценко в дискуссиях Маркса и Бакунина видит точку отсчета для процесса исследования новых социальных неравенств в социальных науках, а вовсе не для определения этих неравенств. В то же время в рамках такой логики вполне очевидным представляется фиксация распада СССР как неоспоримой точки отсчета для фиксации новых социальных неравенств в бывших советских республиках, включая Украину. Безусловно, процесс возникновения новых неравенств после этой точки был вовсе не равномерным, и внутри условного отрезка «1991-2017» выделяются пики и спады, а, значит, и новые «точки отсчета», которые указывают на появление неравенств, новых уже и для капиталистического стратификационного порядка. Возможно, анализировать «нетрадиционные» социальные неравенства было бы не только проще, но и правильнее, чем «новые», тем более, что новые неравенства чаще всего противопоставляются именно традиционным, а не «старым». Но бритва Оккама остра, и пока недостаточно оснований для умножения понятий и сущностей. Поэтому примем в качестве «традиционных» или «старых» неравенств неравенства классово-экономические (имущественные и финансовые), поселенческие и расово-этнические⁶ и попытаемся, опираясь на заданные С. Макеевым ориентиры, приблизительно (на точность эвристический анализ по определению не претендует) очертить диапазон тех неравенств, которые оказываются в поле зрения отечественного исследователя как новые. При этом мы имеем в виду, что «новые» означают как неравенства, не существовавшие до точки отсчета, так и неравенства, не попадавшие ранее в фокус социологического анализа украинских социологов, то есть актуализированные неравенства⁷.

⁴ Традиционная проблема при изучении высокодинамичных объектов и высокоинтенсивных изменений, а также для статических интерпретаций таких процессуальных по сути парадигм, как марксизм.

⁵ В то же время С. Макеев приводит пример характерного для 90-х годов XX века неравного распределения «тягот социально-экономического кризиса», которое исчезает с преодолением кризиса; вопрос о причинах и источниках новых неравенств таким образом усложняется и меняет масштаб, ведь как в случае с неравенствами 90-х причиной и источником был собственно социально-экономический кризис, так и в случае с неравенством по частной собственности причиной можно признать не ее, а распад СССР и крах социалистической экономики, выйдя таким образом на совершенно иной уровень анализа структурных факторов социальных процессов.

⁶ Примем, разумеется, условно, осознавая необходимость фундаментального обоснования этого перечня

⁷ Актуализированным, но отнюдь не новым, было, например, неравенство мигрантов в Европе, до начала семидесятых годов XX столетия не представлявшее собой макросоциальной проблемы, однако возникшее задолго до того [9, с. 174-175].

Итак, к новым неравенствам, актуальным для Украины, на наш взгляд, следует относить: 1) гендерное неравенство, не столько новое (если исходить из расширительного толкования, то гендерное неравенство существовало и в СССР, воплощенное как минимум в уголовной статье за мужеложство), сколько актуализированное в Украине как внешними, так и внутренними факторами, и принимающее разнообразные формы в бывших советских республиках (например формы гендерной сегрегации человеческого капитала на семейном уровне [6]); 2) цифровое неравенство, которое прежде всего выражается в резком разрыве цифровой компетентности, то есть умения пользоваться всем диапазоном возможностей так называемых цифровых устройств⁸, нехватка которого лишает человека ряда коммуникативных и информационных перспектив (включает также интернет-неравенство); 3) информационное неравенство, которое часто трактуется как неравный доступ к информации (и в этом смысле пересекается с цифровым) и в том числе к знаниям (пересекаясь с образовательным), но также имеет и другие аспекты: в частности, речь может идти и о принципиальной разнице в информационных статусах (наличие/отсутствие доступа к средствам информационного воздействия), о различном уровне подготовки и, как следствие, сопротивляемости информационным манипуляциям, и т.д.; 4) медицинское неравенство, выраженное в масштабном затруднении доступа к эффективным медицинским услугам, затруднении как финансового, так и географического (пространственного) характера, - неравенство, хорошо знакомое странам «широкой географии и глубокого расслоения», таким как США или Китай, но до 1991-го года почти не представлявшее собой серьезной проблемы для Украины; 5) образовательное неравенство, превращающееся в современной Украине в особый вид неравенства (неравный доступ к образованию для себя и своих потомков, как к первому, так и к дополнительному или «переквалификационному») и претендующее на относительную самостоятельность при сохранении очевидной связи с экономическим, статусным (в смысле включенности в социальные сети полезных связей) и информационным неравенствами; 6) досуговое неравенство, также выраженное в нескольких измерениях – от различного доступа к рекреации, развлечениям и творчеству⁹ до *time-gap*¹⁰-неравенства, производного от структуры занятости и личностных особенностей (физиологических, психологических и т.д.); *time-gap*-неравенство связано также с неравенством образовательным в части наличия/отсутствия времени на переучивание, что вкупе с экономическим фактором обуславливает специфическую структуру последипломного образования (см., например, [13]); 7) демонстративное неравенство, воплощенное в затрудненности доступа отдельных социальных слоев к демонстративному потреблению, составляющему в обществе массового потребления важную (независимо от идейных ее оценок) социальную потребность; 8) регионально-географическое неравенство – специфическое украинское воплощение фундаментального раскола (кливажа) Липсета-Роккана на центр и периферию: в украинской версии этот раскол дополняется неравенством разных регионов не только по отношению к центру, но и между собой (ситуация не уникальная, достаточно сопоставить украинский кейс с кейсами Италии, Испании, Великобритании, США, Германии и т.д.), и выражается прежде всего в проблеме переселенцев (временно перемещенных лиц), которая по своим масштабам и сложности способна претендовать на выделение в самостоятельную категорию нового для Украины социального неравенства; регионально-географическое измерение имеют и медицинская, и образовательная, и досуговая разновидности неравенства; 9) частично связанное с предыдущим, частично отражающее другой (этнический) фундаментальный раскол по Липсету-Роккану языковое неравенство, с принятием нового Закона об образовании обретающее еще более тревожные масштабы; 10) религиозное неравенство, отражающее тот же фундаментальный раскол, сегодня все еще остающееся гипотетическим, но, каким бы циничным это ни выглядело, «перспективным» и при этом относительно новым для Украины, даже с учетом советского «атеистического» периода; 11) столь же «перспективное» идеологическое неравенство как воплощение общеполитического неравенства (неравного доступа к власти, возможностям политической активности и т.д.), обострившееся в Украине в связи с запретом коммунистической идеологии; 12) наконец, неравенство прошлого, которое вполне может быть названо «историческим» в понимании Г. Маркузе, М. Фуко и П. Бурдьё, воплощенное в наличии/отсутствии доступа к формированию и регламентации исторической памяти и особенно актуальное для политических меньшинств (как этнорелигиозных по своей природе, так и идеологических – см. п. 10), а также охватывающее отношения

⁸ О неравном доступе к цифровым устройствам как таковым (от компьютеров до смартфонов) также не нужно забывать: стереотип «сегодня у каждого есть компьютер и мобильный телефон» удручающе силен даже в профессиональной социологической среде, хотя не имеет под собой никаких оснований. Однако этот аспект представляется нам, скорее, воплощением неравенства имущественного, а его «цифровая» принадлежность, на первый взгляд, не придает никакой заметной специфики в том плане, что нет принципиальной разницы, каким конкретно имуществом не может владеть человек, если эта невозможность имеет сугубо финансовую обусловленность. В то же время цифровые устройства претендуют на статус обязательного средства социально-коммуникативной включенности; признание таковых претензий обоснованными, безусловно, переводит аспект неравного доступа к цифровым устройствам в двойной статус имущественно-цифрового неравенства.

⁹ К самоконструированию, самопрезентации, самовоплощению, хобби, к культурным ресурсам и т.д.

¹⁰ Авторское обозначение неравенства временного ресурса, буквально – «временной разрыв»

между различными поколенческими когортами: например, между заставшими 1990-е в зрелом возрасте, в молодости и не заставшими вовсе, между жившими и не жившими в СССР и т.д.

Подчеркнем несколько важных моментов. Приведенный перечень имеет ориентировочный характер, будучи, как уже указывалось, результатом эвристического анализа. Указанные неравенства выделены с использованием различных оснований (в качестве стержневых рассматривались выделенные С. Макеевым [8, с. 40-41]) по условной точке отсчета (распад СССР, независимость Украины) и с учетом промежуточных точек (таких, как, например, смена власти в 2014 году и все ее последствия, включая геополитические). Построение перечня не отражает внутреннюю иерархию указанных неравенств. Сам перечень не претендует не только на точность, но и на полноту. Мы не упомянули отдельно некоторые возможные виды новых социальных неравенств не без причин. Так, экологическое неравенство как неравенство возможностей экологической безопасности в украинском случае не представляет, на наш взгляд, самостоятельной разновидности, полностью укладываясь в регионально-географическое неравенство и, в отличие от медицинского или образовательного видов, не имеющее (пока) отчетливой специфики. То же самое можно сказать о неравенстве доступа к престижным и самореализационным формам занятости, которое, как разновидность трудового неравенства, не выходит за рамки одного из многих проявлений экономического неравенства (хотя усиливающаяся связь этого неравенства с образовательным делает его «перспективным» для исследования). Аналогичным образом можно охарактеризовать и популярное у публицистов «бизнес-неравенство», подразумевающее разрыв в возможностях открытия собственного дела (эта разновидность неравенства, помимо поглощения экономическим видом, еще и представляется относительно слабо представленной в украинских условиях). Неравенство культурное в ресурсном смысле также укладывается в рамки экономического и досугового неравенств; в широком же смысле, в котором его рассматривала О. Куценко, культурное неравенство представляет собой не отдельный вид, а обобщающую оболочку для всех новых социальных неравенств. В настоящий момент мы не можем считать такую трактовку ни достаточно обоснованной, ни достаточно эффективной; смущает нас и неявно заложенная в ней необходимость принятия веберовской (в значении «немарксистской») версии стратификационного анализа, и масштаб обобщения, отменяющий потребность дискуссии о каких-либо неравенствах, кроме культурных. Действительно, если расширительно понимать культуру как синоним «социального», такая трактовка неравенств (и не только новых) становится неизбежной, но что это дает исследованию¹¹? Для нас этот вопрос пока остается открытым. Наконец, депривация, которую иногда предлагают считать отдельным видом неравенства [1] и которая в общем виде является следствием социальной изоляции различного уровня и масштаба, представляется нам скорее следствием целого ряда традиционных и новых социальных неравенств и в то же время – одним из неспециализированных источников неравенств, инструментом их установления и закрепления, но никак не самостоятельным видом неравенства.

Как уже отмечалось, к новым неравенствам могут относиться и обостряющиеся в конкретно-исторических социальных условиях проявления неравенств традиционных. В качестве примера можно привести «новых бедных» – социальный слой, чей фактический статус совпадает с традиционными бедными, но в отличие от последних обладающий интеллектуальным капиталом в виде высшего и среднего специального образования [10, с. 19-20]. Обратим внимание, что применение к этому слою шаблона «неравенство человеческого капитала» или «культурное неравенство» наделило бы его преимуществом по отношению к традиционным бедным и пауперам. Однако это преимущество при конкретном рассмотрении оказалось бы мнимым и сыграло бы маскировочную, сглаживающую – но исключительно на уровне языковой игры – роль, поскольку социально-экономическая невостребованность интеллектуального капитала «новых бедных» обесмысливает его как преимущество. Пример с «новыми бедными» примечателен тем, что в буквальном смысле речь о «новом» социальном неравенстве здесь не идет, рассматривается лишь новый аспект хорошо знакомого неравенства – аспект, хоть и заслуживающий отдельного рассмотрения, но на статус отдельного вида не претендующий [10]. Это можно считать тенденцией: ученые чаще предпочитают говорить о «новых измерениях» социальных неравенств вообще [11; 12] или о «новом измерении» конкретного (например образовательного) вида неравенства [14]. Представляется, что это связано не только с неопределенностью и размытостью конструкции «новые социальные неравенства», отмеченную нами в начале статьи, но и с неснижающейся актуальностью традиционных неравенств¹², прежде всего неравенства экономического, которое, как убедительно

¹¹ Сходные трудности мы усматриваем и в обособлении «неравенства человеческого капитала», также способного поглотить все прочие виды неравенств; не отрицая возможной полезности этого концепта, мы пока предпочитаем воздержаться от его использования для указания на отдельный вид нового неравенства.

¹² Так, в европейской социологической литературе (отнюдь не марксистского толка) в середине нулевых писали о «возвращении социальных классов» [6]; в украинской социологии, несмотря на известную постсоветскую «боязнь классов», классовый анализ также не прерывался, достаточно вспомнить фундаментальную монографию О. Куценко «Общество неравных» [4].

показывает В. Буткалюк, продолжает стремительно углубляться [3]. В то же время такая тенденция вынуждает нас дополнить вопрос о сути, признаках и проявлениях новых социальных неравенств вопросом о возможной их фетишизации, склонностью социологов намеренно или нет, но преувеличивать, а то и вовсе конструировать «новизну» исследуемых неравенств без достаточных на то оснований. И здесь нам кажется особенно полезным обратиться к политической репрезентации новых социальных неравенств как предмету возможного социологического исследования.

Если рассматривать политическую репрезентацию как знаково-символическое воспроизведение реальных отношений, то в качестве предмета исследований политическая репрезентация новых социальных неравенств дает нам следующее. Во-первых, когда исследование сосредоточивается на высокодинамичных объектах, политическое поле зачастую оказывается источником наиболее полной социологической информации, поскольку содержит и/или отражает большинство социальных противоречий, неравенств, конфликтов прежде всего текучих, быстро изменяющихся. Во-вторых, политическая репрезентация – это особенный, в некоторой степени независимый¹³ по отношению к социологическим стереотипам и предубеждениям (а наука от них, к сожалению, вовсе не свободна) параметр, по которому можно охарактеризовать социальные неравенства как формально, так и содержательно, в том числе в рамках эвристического анализа. В-третьих, большинство предполагаемых нами новых социальных неравенств актуализированы именно в политике. И это дает нам возможность проверить исключительно важную гипотезу об искусственной, «технологической» актуализации новых неравенств с целью ретуширования неравенств традиционных как действительно проблемных. Фетишизация культуры, о которой много писали неомарксисты во главе с Георгом Лукачем, может осуществляться не только к большей абсолютизации «местных» отличий, гипертрофии локальности, но и со вполне банальной манипулятивной целью. Здесь можно усматривать своеобразную усовершенствованную апологию существующего порядка неравенства путем его маскировки неравенствами новыми, в которых (и в апологии, и в маскировке) участвуют, в том числе, и социологи. Гипотеза выглядит достаточно провокационно для того, чтобы считать ее многообещающей и попытаться проверить при помощи исследования политических репрезентаций новых неравенств. Здесь нам представляется уместным сослаться на Франклина Анкерсмита, который в своей монографии «Политическая репрезентация» пишет, что «репрезентации отчасти определяют природу репрезентируемого» [2, с. 145], подчеркивая нетождественность репрезентации и реальности [2, с. 287]. При всей размытости этой формулировки она прямо указывает нам на возможность сквозь политические репрезентации определять суть и характер новых социальных неравенств, опираясь на взаимную (хоть и неравнозначную) обусловленность репрезентации и репрезентируемого. Поскольку репрезентация — это не прямое представление, а знаково-символическое воспроизведение, она может не только актуализировать, но и проблематизировать репрезентируемое (как это происходило в случае с «проблемой иммигрантов», согласно В. Шнирельману [9, с. 174-175]). Не обнаружим ли мы такую проблематизацию в политической репрезентации новых социальных неравенств, не зафиксируем ли нечто подобное «эффекту оракула» П. Бурдьё, когда репрезентация не воспроизводит, но создает, конструирует репрезентируемые отношения? Безусловно, к этому (третьему) пункту не сводятся перспективы социологического анализа политических репрезентаций новых социальных неравенств. Поскольку политическая репрезентация - это всегда отраженное представление, воспроизведение в знаково-символическом измененном виде (усеченном, дополненном или просто трансформированном - это другой вопрос), исследование политических репрезентаций новых социальных неравенств не только поможет нам проверить, насколько эти неравенства «новые» и обладают ли они какой-либо спецификой, но и даст нам возможность определить наличие/отсутствие барьеров проявления (артикуляции) этих неравенств; диагностировать их влияние или отсутствие такового на политические процессы и политическое поведение; уточнить соответствие наличных политических репрезентаций восприятию искомых неравенств социальными группами и т. д.

Таким образом, можем подытожить: проблематика новых социальных неравенств, относительно давно актуализированная как в мировой, так и в отечественной социологии, ставит перед исследователем ряд неординарных вопросов, а то и затруднений, как терминологического (связанного с размытостью понятия «новые социальные неравенства»), так и аналитического (связанного с определением точек отсчета и сущностных показателей новых социальных неравенств) характера. Воспользовавшись эвристическим поиском ответов на эти вопросы и способов преодоления указанных затруднений, мы постарались обосновать эффективность и уместность анализа политических репрезентаций новых

¹³ Политика всегда представлялась настолько же интересной, насколько и чуждой социологии, несмотря на активное обращение социологов к изучению политики; не случайно социология политики фактически «сливается» с политологией, тогда как междисциплинарная по своей природе политическая социология в известной степени преодолевает указанное «отчуждение»

социальных неравенств как для преодоления этих затруднений, так и для проверки целого ряда перспективных гипотез, что и станет целью наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Андриенко Л. К., Елисиченко О. А. Современные виды социального неравенства [Электронный ресурс] / Андриенко Л. К., Елисиченко О. А. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/1_KAND_2010/Psihologia/12_57325.doc.htm 2. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / Франклин Анкерсмит / Перевод с англ. Алексея Глухова. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 288 с. 3. Буткалюк В. Великое разделение: социальное неравенство в эпоху неолиберализма [Электронный ресурс] / Виталина Буткалюк // Спільне. – 13.09.2017. – Режим доступа: <http://commons.com.ua/uk/velikoe-razdelenie-socialnoe-neravenstvo-v-epohu-neoliberalizma/> 4. Куценко О. Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенства в переходном обществе. Подходы западной социологии / Ольга Куценко. – Харьков: Издательский центр Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, 2000. – 316 с. 5. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания / Сеймур Липсет, Стейн Роккан // Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем. – 2004. – № 4. – с. 204-234 6. Малеева Т., Овчарова Л. Социальная модернизация и средний класс. Новые социальные неравенства [Электронный ресурс] / Татьяна Малеева, Лилия Овчарова // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». – 2009. – №381-382. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0381/tema05.php> 7. Новоженова И. С., Зубченко Л. А. Возвращение социальных классов / И. С. Новоженова, Л. А. Зубченко [Электронный ресурс] // Перспективы. – 16.07.2007. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/vozvrashhenije_socialnyh_klassov_2007-07-16.htm#1 8. Новые социальные неравенства / под ред. С. Макеева – К.: Институт социологии НАН Украины, 2006. – 355 с. 9. Шнирельман В. Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма. В 2-х томах. Том второй / Виктор Шнирельман/ – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 856 с. 10. Шугаева И. В. «Новые бедные» в социальной структуре современного российского общества (на материалах г. Хабаровска). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук [Электронный ресурс] / Шугаева Ирина Владимировна. – Хабаровск, 2017. – 24 с. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/disser/referat_shugaeva.pdf 11. Lin J., Kelley-Moore J. New dimensions of inequality: inter-individual variability in functional limitations by race/gender [Electronical resource] / J. Lin, J. Kelley-Moore // The Gerontologist. – 2016. – Volume 56, Issue Suppl_3, 1. – P. 22. – Access mode: <https://doi.org/10.1093/geront/gnw162.091> 12. New Dimensions of Social Inequality. Postdoctoral Research Project carried out by Dr. Charles Walker [Electronical resource] / CEELBAS. – Title from screen. – Access mode: <http://www.ceelbas.ac.uk/research/socialinequality> 13. Vincent J. Robots and AI are going to make social inequality even worse, says new report [Electronical resource] / James Vincent / The Verge. – 13.7.2017. – Access mode: <https://www.theverge.com/2017/7/13/15963710/robots-ai-inequality-social-mobility-study> 14. Weiss F., Roksa J. New dimensions of educational inequality: Changing patterns of combining college and work in the U.S. over time [Electronical resource] / Felix Weiss, Josipa Roksa // Research in Social Stratification and Mobility. – June 2016. – Volume 44. – Pages 44-53. – Access mode: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0276562416300117>